

ДИСКУРСИВНЫЕ МАТРИЦЫ В МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье обосновывается эвристическая ценность дискурсивных матриц как методологических инструментов, посредством которых осуществляется взаимосоизмерение разнотипных лингвистических механизмов, участвующих в конструировании дискурса. Рассматривается содержательное наполнение дискурсивной матрицы на основе идентификации таких параметрических характеристик, как 1) тип личности-участника речевого взаимодействия; 2) дискурсообразующий концепт, активирующий сеть дискурсообразующих номинаций; 3) прототипическая пропозиция; 4) доминирующая иллокуция; 5) ключевая стратегия. Компоненты дискурсивной матрицы приобретают статус критериев типологизации жанрового, стилового и функционального разнообразия дискурсивного универсума.

The article argues the heuristic value of discourse matrixes as a methodological tool for discourse modeling. The componential structure of the discourse matrix is specified in terms of the type of linguistic personality, the network of diagnostic propositions, illocutions and discourse strategies. The components of the discourse matrix are viewed as criteria for the typology of discourse events and parameters for the description of socially recognizable discourse types.

Введение коммуникативного измерения в языковую реальность оформляет ее динамическую компоненту, которая может быть описана и исследована в терминах *дискурсивного пространства*, содержательное наполнение которого составляют оперативные образы социального взаимодействия. Системообразующая роль дискурсивного пространства обуславливается его категориальной значимостью с точки зрения лингвистической репрезентации констант социального взаимодействия – стратегических приемов и принципов, организующих речевое поведение языковой личности и регулирующих интересубъективное переживание смыслового разнообразия реального мира. В качестве фрагмента языковой картины мира дискурсивное пространство является собой *системный оператор*, выполняющий ряд функций:

а) *объективирующая функция* – дискурсивное пространство объективирует категориальные контексты социального взаимодействия;

б) *категоризирующая функция* – дискурсивное пространство категоризирует лингвистические репрезентации интересубъективной

деятельности на основе идентификации онтологических характеристик интересубъективно переживаемого фрагмента реального мира;

в) *синтезирующая функция* – дискурсивное пространство синтезирует оперативный образ социального взаимодействия посредством активации разноуровневых и разностатусных оперативных механизмов, оформляющих содержательную структуру социальной деятельности;

г) *координирующая функция* – дискурсивное пространство координирует соизмерение структурной и событийной организации и репрезентации знания в контексте историко-культурной ситуации;

д) *атрибутивная функция* – дискурсивное пространство атрибутирует оперативным образам социального взаимодействия уникальные значимости, приобретающие статус диагностических механизмов социальной активности языковой личности.

Дискурсивное пространство является собой многомерное образование, содержащее параметрические характеристики ряда систем, к которым относятся:

а) *культурологическая система*, конституируемая культурологическими значениями, сценариями и фреймами;

б) *психологическая система*, образуемая психологическими свойствами языковой личности и психологическими механизмами смыслоформирования и смыслоформулирования;

в) *структурно-организованная система*, формируемая посредством актуализационного взаимодействия разноуровневых структурных механизмов, оформляющих внутри- и межсистемные структурные связи и зависимости;

г) *семиологическая система*, регулирование которой осуществляется семиологическими механизмами модификации, насыщения и тропеизации;

д) *типологическая система*, создаваемая диверсифицируемым представлением дискурсивных реализаций, осмысливаемых в терминах типологических субсистем;

е) *историческая система*, эволюционное развитие которой обеспечивается динамикой исторических процессов, конгруэнтных этапам развития лингвокультурного социума.

Исходя из многомерного характера системной оформленности дискурсивного пространства, его теоретическое описание требует методологического инструментария, позволяющего взаимосоотносить и взаимоизмерять различные параметрические характеристики исследуемого феномена и на этом основании выявлять внутри- и межсистемные корреляции.

В настоящем исследовании выдвигается гипотеза о возможности использования *дискурсивных матриц* в качестве методологического инструмента теоретического описания и моделирования дискурсивной составляющей языкового образа мира. Эвристический потенциал дискурсивных матриц с точки зрения методологии лингвистической науки создается их функциональной значимостью: эти матрицы репрезентируют базовые модусы человеческой деятельности, транслируют категориальные смыслы и адекватно отражают инвариантно-вариативную диалектику дискурсивного универсума.

Будучи универсальными системообразующими механизмами, дискурсивные матрицы регулируют взаимодействие национальных менталитетов в культурологически диверсифицированном дискурсивном универсуме и координируют мыслительные процес-

сы взаимодействующих субъектов на основе активации симметричных моделей переживания интерсубъективной деятельности.

Существование дискурсивных матриц подтверждается такими факторами, как:

- симметричные характеристики речевого поведения языковых личностей в аналогичных ситуациях речевого взаимодействия;
- симметричные дискурсивные стратегии;
- симметричные способы фреймирования дискурсивного пространства.

Вышеозначенные факторы свидетельствуют о том, что дискурсивные матрицы содержат универсальные (транскультурные) смыслы, обеспечивающие взаимопонимание представителей различных культур. В конкретном лингвокультурном социуме дискурсивные матрицы обогащаются этнокультурными смыслами, модулирующими параметрические характеристики социального взаимодействия.

Представляется, что параметризация дискурсивной матрицы может быть осуществлена на основании следующих критериев:

- тип личности-участника речевого взаимодействия;
- дискурсообразующий концепт, или сеть концептов, активизирующая сеть диагностирующих номинаций;
- прототипическая пропозиция;
- доминирующая иллюкуция;
- ключевая стратегия.

Рассмотрим каждый из обозначенных выше критериев подробнее.

Установлено, что в речевой коммуникации личность проявляет себя в нескольких ипостасях, а именно:

а) *как человек говорящий* – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность;

б) *как языковая личность* – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений;

в) *как речевая личность* – личность, которая реализует себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);

г) *как коммуникативная личность* – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных, 2003. С. 51].

Сложная структура личности, являющей себя посредством языка и дискурса, также раскрывается в работе С. Н. Плотниковой [2005], где разграничиваются языковая, коммуникативная и дискурсивная личность.

Полимодусная организация личности-участника речевой интеракции помещает ее исследование в плоскость взаимодействия ряда презентационных областей, как-то: а) социальной; б) ментальной; в) языковой, что служит основанием для определения этой личности как этносоциопсихолингвистической категории. Последняя репрезентируется посредством личностных индексов: а) этнического; б) социального; в) интеллектуального; г) интенционального; д) языкового; е) речевого.

Под социальным личностным индексом понимается совокупность характеристик, позиционирующую коммуницирующую личность в сети социального взаимодействия. К социальным личностным индексам относятся: 1) социальный статус в его субстантивном и реляционном измерениях; 2) социальные роли; в) социальные механизмы, регулирующие движение (деятельность) индивидуума в социуме (социальные нормы, социальные институты и т. д.). Эти индексы могут быть исчислены посредством категориальных формул, т. е. формализованы. Доказательством служит формализованное представление категории социального статуса в работах В. И. Карасика [1992; 2002], где разграничиваются внешняя и внутренняя формула категории. Схематически внешняя категориальная формула социального статуса человека представлена следующим образом: МОДУС (ДИКТУМ), т. е. МОДУС = социальный статус + модальность + оценка + стилистический регистр + эмотивность + экспрессивность + акцентирование + дейксис + ... (ДИКТУМ = действие / процесс / состояние / событие + актанты: Агенс + Пациенс + Инструмент + ...). Внутренняя формула социального статуса имеет следующий вид: Статус = Индекс (Вектор (Репрезентация)), где статусный индекс – отношение «говорящий – адресат / третье лицо», статусный вектор – отношение «от вышестоящего к нижестоящему» и «от нижестоящего к вышестоящему», статусная репрезентация – отношение с восходящим вектором по линии возвышения адресата и самоуничтожения говорящего [Карасик, 2002. С. 176–177].

Очевидно, что в терминах категориальных формул могут быть описаны и другие социальные личностные индексы.

Интеллектуальный личностный индекс оформляется интеллектом как специфической человеческой способностью. Со словом «интеллект», как отмечает Е. В. Урысон, ассоциируются два круга употреблений. Это – контексты, где имеются в виду интеллектуальные способности вообще, и контексты, в которых речь идет о способности человека получать принципиально новое знание. Во втором случае слово «интеллект» содержит указание на характер перерабатываемой информации, это – объемная, сложная, достаточно абстрактная информация. Интеллект – способность мыслить логически безотносительно к переживаемым чувствам [Урысон, 2003. С. 33].

Интеллектуальные способности детерминируют уровень логического (рационального) осмысления индивидуумом пространства социального взаимодействия, рациональное форматирование этого пространства, рациональное воздействие на адресата.

Говоря об общечеловеческих интеллектуальных способностях, следует упомянуть концепт МУДРОСТЬ. Плотность его онтологизации в современном английском языке варьируется в весьма широких пределах, достигая максимума в индийском и минимума в американском вариантах.

Интенциональный личностный индекс определяется интенциональным состоянием, переживаемым индивидуумом в актуальной ситуации социального взаимодействия. Интенциональное состояние представляет собой «определенное репрезентативное содержание в определенном психологическом модусе» [Searle, 1985. P. 11]. Это состояние с необходимостью имплицитно включает условия своей реализации, сопоставимые с условиями искренности в теории речевых актов.

Языковой личностный индекс экспонирует коммуницирующую личность как представителя макросоциума – определенного лингвокультурного сообщества; члена микросоциума – определенной группы, формируемой по социокультурному признаку; автора уникальной лингвистической концепции. Языковой личностный индекс есть одновременно инструмент и результат лингвистического кодирования социального взаимодействия. Языковой личностный индекс формируется культуроло-

гически, социологически, и лично специфицированными языковыми номинациями.

Речевой личностный индекс конституируется речевыми иллокуциями и дискурсивными стратегиями, отражающими интерактивные предпочтения «человека говорящего».

Индексация коммуницирующей личности осуществляется также посредством *личностных смыслов* – телеологических операторов, оформляющих социальное взаимодействие с точки зрения его личностного переживания.

Личностные смыслы актуализируются системой деятельностных механизмов – когнитивных, семантических, прагматических.

Когнитивные механизмы производны от основополагающей антиномии *рефлексивного* и *конструктивного*. Производным от первого является *механизм рефлексии*, соотносящей опыт индивидуума с актуальной ситуацией речевого взаимодействия. Производным от второго следует признать *механизм интерпретации*, детерминирующей параметры изменения реального и возможного мира.

Участие деятельностных механизмов в порождении и интерпретации личностных смыслов оформляет различные форматы актуализации этих смыслов на основе профилирования их составляющих: рациональный, эмоциональный, архетипически обоснованный. Следует обратить внимание на то, что составляющие личностных смыслов либо частично, либо полностью противопоставляются друг другу. Так, рациональная организация полностью противоположна эмоциональному переживанию, а последнее частично противоположно архетипическому опыту. Это – причина стрессов, когнитивных диссонансов и аналогичных состояний личности, которые далеко не всегда связаны с рассогласованием личного и общественно-го, феноменологического и структурного.

Важно подчеркнуть, что при моделировании дискурсивной матрицы, соотносимой с тем или иным контекстом социального взаимодействия, необходимо осуществлять взаимосоизмерение личностных характеристик участников речевой коммуникации – адресанта и адресата, прогнозируя таким образом специфику субъективного переживания коммуницируемых смыслов.

Статусным параметром дискурсивной матрицы следует признать *дискурсообразующий концепт* – ментальную репрезентацию, организующую дискурсивное про-

странство в плане предметного содержания деятельности.

Важным представляется тезис М. В. Никитина о том, что с момента семиотизации концепт существует в ипостаси определенных речемыслительных модусов. Дифференцируются три группы модусов:

- *систематизационные* – модусы категоризации сущностей, структуриации класса сущностей и опознания класса сущностей;

- *вещной и признаковый* – в их основе лежит различие аргументной и предикатной функций концепта в суждениях (пропозициях);

- *экстенциональные (референционные)* – модусы общего и единичного и возможный (промежуточный) модус частного [Никитин, 2005. С. 20–23].

Для понимания вариативного оформления дискурсивной матрицы следует обратиться к понятию *альтернативной концептуализации*, которая, по утверждению Дж. Лакоффа, есть результат различия концептуальных систем. При этом необходимо разграничивать концептуальные системы и способности концептуализации. Одинаковые концептуализирующие способности человеческого сознания способны порождать различные концептуальные системы по следующим причинам:

- различие концептуальных систем обусловлено спецификой доконцептуального опыта;

- различие мотивационных моделей концептуализации;

- концептуальная «лакунарность», т. е. отсутствие в одной концептуальной системе значимого концепта, который присутствует в другой концептуальной системе [Лакофф, 2004. С. 402–403].

Различие концептуальных систем имеет вид:

- *тотального различия* – в концептуальных системах нет ни одного общего концепта;

- *радикального различия* – большинство концептов различны, однако имеет место и некоторое наложение концептов;

- *небольшого различия* – большинство концептов совпадает, но есть и различные концепты;

- *какого-то (отдельного) различия* [Там же. С. 399].

Альтернативная концептуализация служит обоснованием альтернативных способов языковой репрезентации одного и того же фрагмента реальной действительности. Альтернативная концептуализация может

быть конвенционализированной и неконвенционализированной. В первом случае она является достоянием любого индивидуума, принадлежащего к определенной лингвокультуре, и регулируется нормативными прескрипциями, действующими в рамках данной культуры. Во втором случае альтернативная концептуализация ограничена сферой индивидуального сознания.

Семиологически дискурсивная матрица оформляется посредством определения *прототипической пропозиции*; последняя лежит в основе порождения дискурса и служит инструментом его идентификации. Диагностическая ценность прототипической пропозиции детерминируется ее соотносительностью с прототипическим сценарием социального взаимодействия и актуальной реализацией этого сценария. Эта пропозиция обеспечивает семиологическое опознание дискурсивного пространства во всех его многообразных проявлениях; профилирует семиологически опознаваемый смысл, активируя таким образом систему семиологических ожиданий, находящих свое выражение в определенном способе фреймирования дискурсивного пространства; оформляет инвариантные отношения в условиях релятивно развертывающейся деятельности. Прототипическая пропозиция модулируется параметрами актуальной речевой ситуации и соответственно реализуется вариативно в актуальном дискурсе.

Актуальное смыслообразование осуществляется в режиме взаимодействия а) лексического и грамматического; б) коннотативного и денотативного; в) пропозиционного и пресуппозиционного значений.

Взаимодействие лексического и грамматического значений обусловлено возможностью совмещения в одной и той же словоформе различных по своему характеру смыслов. Совмещаясь в одной и той же словоформе, эти значения либо взаимодействуют друг с другом, либо реализуются параллельно и независимо друг от друга. Установлено, что взаимодействие лексического и грамматического значений регулируется принципом конгруэнтности. В случае конгруэнтности этих значений возникает возможность их одновременной актуализации. Взаимодействие обычно осуществляется по типу модификации одного из значений. Эта модификация носит характер *амальгамации*, т. е. сплавления значений,

результатом которого является комплексное (суммарное) значение, несводимое ни к одному из взаимодействующих значений; это значение включается в семантический потенциал грамматической формы на правах ее вариативного значения. Собственно модификация одного значения другим: при неконгруэнтности взаимодействующих значений одно из них может «зачеркиваться», или аннулироваться [Казыдуб, 1991].

Смыслорождающей способностью обладает взаимодействие денотативного и коннотативного значения. С точки зрения порождения коннотативного значения важно отметить, что «коннотативное значение рождается тогда, когда означающее и означаемое образуют пару, которая становится означающим нового означаемого» [Эко, 1998. С. 54]. Коннотация, таким образом, оказывается преобразованием прежних означающего и означаемого в новое означающее. И эта коннотация способна породить новую, для которой уже вновь сложившийся знак выступит в роли нового означающего [Там же. С. 55].

Смыслообразование путем взаимодействия пропозиционного и пресуппозиционного значений суть семиологический механизм насыщения; пропозиция насыщается пресуппозиционными смыслами, имеющими интересубъективную значимость.

Интерсубъективное переживание пресуппозиционных смыслов регулируется параметрами актуализационного контекста. Антропоцентрическая природа контекста передается в определении Д. Шиффрин, где под контекстом понимается мир, наполненный людьми, продуцирующими знание, обладающими социальной, культурной и личной идентичностью и взаимодействующими в различных социально и культурно значимых ситуациях [Schiffrin, 1994. P. 363–364].

Насыщение дискурсивной матрицы смыслообразующими пресуппозициями соотносит «пространство опыта» с «горизонтом ожидания»; его итогом можно считать формирование блока контекстной информации, которая лежит в основе и обеспечивает возможность адекватной интерпретации данного дискурса.

Иллокутивная составляющая дискурсивной матрицы служит инструментом типологизации дискурсивных реализаций. На основании исчисления доминирующей иллокуции, а дискурсивное пространство по определению

является областью взаимодействия разнохарактерных иллокутивных значимостей, могут быть разграничены следующие дискурсивные системы: декларации, дескрипции, наррации, прескрипции, интеракции. Охарактеризуем эти типологемы.

Декларации формируются исходя из концепта интенции, или намерения адресанта, эксплицируемого в терминах миссии, т. е. стратегической роли и стратегических целей. Основная иллокутивная цель – убедить адресата в том, что результирующее состояние есть ценность, и эта ценность конгруэнтна его идеологической парадигме. Соответственно в условиях декларации адресант и адресат реализуют концепции моделирующей и моделируемой личности: адресант моделирует личность адресата, инкорпорируя в его «когнитивную карту» нацеленность на успех или достижение значимого результата. Основная иллокуция – комиссив. Эта иллокуция оформляет декларации как мотивирующее пространство, активируя в сознании адресата систему мотивирующих факторов. Сопутствующими иллокуциями являются ассертивы. Статус ключевых приобретают стратегии аргументации и апелляции к культуuroобразующим ценностным категориям. Сеть ключевых номинаций включает достаточно широкий диапазон интенциональных глаголов, обозначающих желание, намерение, решение, готовность и попытку совершить действие.

В целом декларацию можно рассматривать как апелляцию к адресату интегрироваться в процесс реализации интенции, вследствие чего декларация оформляется по типу идеологического пространства, отображающего взаимодействие по меньшей мере двух идеологических реальностей.

Смысл, или цель, описания (дескрипции) заключается в том, чтобы представить некоторое положение вещей в объективном мире. По этой причине дескрипции конституируются, прежде всего, ассертивами, целевое назначение которых состоит в том, чтобы определенным образом квалифицировать участок культурного универсума.

Квалификация с необходимостью предполагает оценку – «мыслительное действие на интуитивной основе с целью ориентировочно (в диапазоне от догадки до убеждения) установить наличие тех или иных признаков у вещей и событий, включая наличие самих вещей и событий» [Никитин, 2000.

С. 12]. Оценочная «упаковка» дескрипции требует сопутствующих иллокуций, которыми по определению становятся *экспрессивы*, соотносящие транслируемую информацию с эмоциональными пространствами интерактантов. Отсюда проистекает дискурсивная значимость *прагмем* – слов, соединяющих предметность и оценочность. Прагмемы дифференцируются по способам их оценочного употребления, а именно: а) слова с прямым значением, где не определено отношение говорящих к обозначаемым явлениям; б) слова, содержащие оценку, но не специфицирующие объект оценки; в) слова, которые обнаруживают жесткую связанность предметного и оценочного значения [Эпштейн, 1991]. В качестве ключевых номинаций оценочные предикаты актуализируют релевантные для данного дискурса модусы оценочного отношения к описываемым фактам и событиям.

Интеракции организуют обсуждение мира в диалоговом режиме. Диалог характеризуется разнообразием структурно- и смыслообразующих моделей. Прагматическая структура диалога отличается лабильностью: основная дискурсивная стратегия как оперативный механизм, высвечивающий «фокус» диалога, варьируется в зависимости от целей интеракции в каждом конкретном случае. Диалогический дискурс может представлять собой дисконтинуум, где наблюдаются разнонаправленные дистантные связи [Плотникова, 2002. С. 180–181].

Интерактивный режим предполагает реальное сопоставление или противопоставление двух точек зрения, причем диалог «включает момент семиотической сопротивляемости получателя информации, который переживает столкновение языка сообщения с языками своей памяти» [Лотман, 2002. С. 16]. Таким образом, выбор адекватных иллокуций и языковых номинаций решает задачу преодоления сопротивляемости адресата посредством конструирования «экологичного» пространства общения.

Интеракции могут иметь полный или неполный характер. Интеракция «имеет полный характер, если она включает в себя некую когерентную последовательность вербальных обменов между двумя и более интерактантами, находящимися друг с другом в непрерывающемся речевом контакте» [Серебренникова, 2002. С. 56]. На фоне нормативного общения имеются случаи не-

полной интеракции, в частности, канонизированного, спровоцированного или принудительного общения, распространенного в различных сферах жизни [Там же].

Интеракция бывает неуспешной, если участники взаимодействия рассматривают ситуацию «в терминах конфликтующих иерархий речевых функций» [Хаймс, 1975. С. 76]. В этом случае возникает необходимость активации адаптивных механизмов, с тем чтобы не допустить иллюкутивной неудачи и сохранить «лицо».

Наррации рассматриваются как фундаментальная культурная деятельность. Они формируют способы видения мира и представлены в различных жанрах [Schiffrin, 1996; Ochs, 1998]. Наррации характеризуются линейной структурой, в которой различные сегменты репрезентируют различные виды информации. Каждый сегмент выполняет собственную функцию внутри наррации. Примечательно, что, хотя информация может быть репрезентирована статически, предикат способен одновременно реализовывать значимость определенных событий для данного повествования [Schiffrin, 1996].

Наррации значимы с точки зрения трансформирования опыта, идентичности, контекста. Доказано, что наррации создают *социолингвистический автопортрет* коммуницирующей личности: своего рода лингвистические линзы, посредством которых обнаруживаются представления человека о самом себе (в контексте актуальной ситуации и социальной структуры) и собственном опыте. Так как ситуации, порождаемые адресантом в ходе повествования, представляют собой трансформации опытного переживания действительности, наррации открыты для оценки в мире интерактивного взаимодействия. Эти автопортреты способны порождать интерактивное пространство, в котором представление субъекта о мире и самом себе может либо подтверждаться, либо подвергаться сомнению [Schiffrin, 1996].

Следовательно, концепцию адресанта можно определить как транслятора опыта переживания действительности с параллельной его оценкой, а концепцию адресата – как реципиента опыта. Основной дискурсивной стратегией становится стратегия (интер)субъективного переживания опыта, а ключевыми номинациями – акциональные предикаты, линеаризирующие интерсубъек-

тивно конструируемый опыт в параметрах его темпоральной организации.

Прескрипции, или императивные высказывания, суть дискурсивное пространство, сущность которого определяется, прежде всего, процедурными характеристиками: адресату предписывается осуществить ряд процедур для достижения определенного результата.

Исходя из онтологических характеристик прескрипции, ее основной иллюкуцией следует признать директив, т. е. предписывающий речевой акт, условиями успешности которого называются следующие: а) непротиворечивость точек зрения взаимодействующих субъектов относительно социальных ролей друг друга и уровня конвенциональности ситуаций; б) способность адресанта представить себе возможности адресата; в) способность адресата осознать мотивы адресанта [Клюев, 2002. С. 289]. Директивы этнически маркированы. Так, характеризуя особенности оформления публичных директивов в английском языке, В. М. Аринштейн отмечает их вежливую форму. Прескриптор использует разнообразные стратегии негативной вежливости, «стремясь облечь импозитивный смысл в форму, по возможности нейтрализующую их ликоущемляющий характер» [Аринштейн, 2000. С. 46].

Сопутствующими иллюкуциями в условиях прескрипции выступают ассертивы, специфицирующие директивы.

В прескрипциях адресант реализует концепцию прескриптора, или предписывающего субъекта, а адресат – концепцию потенциального исполнителя прескрипции. Очевидно, что эти концепции имплицитно асимметричны опыту адресанта и адресата: адресант обладает более богатым по сравнению с адресатом опытом в объективируемой сфере деятельности. Статус ключевой принадлежит стратегии предписания; она репрезентируется императивными предикатами.

Стратегическая составляющая дискурсивной матрицы может быть представлена в виде стратегем – методологических инструментов, систематизирующих разнообразные дискурсивные стратегии, обнаруживаемые в актуальном дискурсе.

Для исследования дискурсивного пространства критериальную значимость имеют стратегемы презентации, аргументации, апелляции и манипуляции.

Эти стратегемы организуют дискурсивное пространство по типу стратегически насыщенной системы и профилируют различные способы достижения коммуникативной цели и различные функции продуцируемого дискурса.

Стратегема презентации форматирует дискурс по типу дескрипции – описания идеологии или технических характеристик того или иного участка культурного универсума. Стратегема презентации конституируется следующими стратегиями:

а) адекватное и активное воплощение коммуникативного пространства в структуре коммуникативной среды вне относительности к задачам расширения или структурного изменения среды коммуникации (продвижение);

б) смысловое изменение коммуникативного пространства, влекущее за собой изменение коммуникативной среды (создание образа, или имиджа);

в) расширение и детализация структуры коммуникативной среды без изменения коммуникативного пространства – расширение информационной среды [Олянич, 2004. С. 31].

Представляется, однако, что «расширение» – не совсем удачный термин. Учитывая концептуальное единство конструируемого дискурса, целесообразнее говорить об информационном *уплотнении* коммуникативного пространства. Такое уточнение хорошо согласуется с диалектикой содержания понятия (концепта).

Стратегема *аргументации* наделяет дискурс статусом аргументативного. Аргументация есть сложный речевой акт, в ходе которого осуществляется коррекция точки зрения, и шире – картины мира адресата. Необходимым условием успешности аргументативного воздействия является выбор оптимального способа (стратегии) аргументации.

Формулирование и реализация основной стратегии аргументативного воздействия осуществляется исходя из конфигурации: *фактора адресата*, т. е. совокупности статусных ролевых и / или личностных характеристик адресата, релевантных для определенной ситуации общения, *фактора ценности*, очерчивающей область взаимодействия адресанта и адресата на основе идентификации ценностной категории, значимой для обоих участников коммуникации,

и *фактора цели*, предопределяющей горизонт ожиданий адресанта, адекватных ожиданиям адресата или целевой аудитории.

Стратегема апелляции оформляет контексты, в которых логическое обоснование уступает место эмоциональному давлению.

Дискурсообразующая роль апелляции детерминируется ее суггестивным потенциалом и заключается в профилировании актуально значимого аксиологического смысла. Аксиологическое профилирование «встраивает» продуцируемый дискурс в дискурс адресата исходя из презумпции симметричного переживания интересубъективной деятельности.

Владение стратегическим инструментарием апеллятивного воздействия наделяет языковую личность способностью прогнозировать и конструировать перлокуцию.

Дискурсивное пространство может оформляться по типу манипулятивного: адресант манипулирует ценностями адресата в целях обеспечения значимой для себя перлокуции. При манипулятивном воздействии имеет место конструирование адресатом двух несимметричных когнитивных сценариев для себя и для адресата.

Анализируя манипулятивно-презентационные стратегии массовой коммуникации, А. В. Олянич отмечает, что «успешность влияния / воздействия (импакта) гарантирована, если объект влияния не догадывается о реальных интенциях влияющего / воздействующего (импактора). Импакт всегда планируется в двух ипостасях: во-первых, истинные намерения импакта должны быть скрыты; во-вторых, деятели (инициаторы импакта) должны быть максимально «представлены» в кардинально измененном облике, сигнализирующем о прямо противоположных намерениях» [Олянич, 2003. С. 14].

При манипулировании стратегическим намерением адресанта является сохранение дискурсивной асимметрии в целях реализации актуальной перлокуции.

Подведем итоги. Поиск методологических инструментов для теоретического осмысления и описания категориальных контекстов речевого взаимодействия вводит в круг исследовательских интересов *дискурсивные матрицы*, посредством которых осуществляется взаимосоизмерение параметрических характеристик как условие типологизации дискурсивного универсума. Эвристическая ценность дискурсивных мат-

риц обусловливается их диалектической сущностью, которая соотнобразуется с диалектикой дискурса реального мира. Представляется, что применение дискурсивных матриц для исследования дискурсивной организации и деятельности языковой личности перспективно с точки зрения интегрированного представления речевой системности.

Список литературы

Аринштейн В. М. Этноспецифические особенности «публичных директивов» и национальный характер языковой общности // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб.: Тригон, 2000. С. 43–55.

Казыдуб Н. Н. Системно-функциональное исследование интенциональных глаголов (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук: Л., 1991. 185 с.

Карасик В. И. Лингвистические аспекты изучения социального статуса человека (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 46 с.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 400 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство СПб, 2002. 768 с.

Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях-2 // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб.: Тригон, 2000. С. 12–22.

Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Studia Linguistica XIII. Когнитивные и коммуникативные функции языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 18–34.

Олянич А. В. Игровое в массово-информационном дискурсе (манипулятивно-презентационные стратегии // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в

общении. Волгоград: Перемена, 2003. С. 146–162.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.

Плотникова С. Н. Нелинейный диалогический дискурс // Номинация. Предикация. Коммуникация: Сб. ст. к юбилею проф. Л. М. Ковалевой. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 179–186.

Плотникова С. Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация / Отв. ред. С. Н. Плотникова. 2005. № 4. С. 5–16.

Серебрянникова Е. Ф. Интеракция: некоторые основания к эпистемологическому анализу // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Лингвистика. 2002. № 4. С. 54–62.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7: Социолингвистика. С. 42–95.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

Ochs E. Narrative // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / Ed. by T. A. van Dijk. L.: SAGE Publications, 1998. Vol. 1. P. 185–207.

Schiffirin D. Approaches to Discourse. Oxford (UK); Cambridge (USA): Blackwell, 1994. 470 p.

Schiffirin D. The Transformation of Experience, Identity and Context // Social Interaction and Discourse Structures / Eds. G. R. Guy, G. Feagin, D. Schiffirin, J. Baugh. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. Vol. 2: Towards a Social Science of Language. P. 41–55.

Searle J. R. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge; N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1985. 277 p.

